

ВЛАДИМИР С. МАЛАХОВ¹

РАНХиГС, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0154-5785

НИНА А. БАГДАСАРОВА²

Американский университет в Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан

ГУЛЬНАРА К. ИБРАЕВА³

PIL Research Company, Бишкек, Кыргызстан

САОДАТ К. ОЛИМОВА⁴

НИЦ «Шарк», Душанбе, Таджикистан

Трансформации политического воображаемого в постсоветской Центральной Азии: случаи Кыргызстана и Таджикистана⁵

160

doi: 10.22394/2074-0492-2023-1-160-189

-
- 1 Малахов Владимир Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Институт общественных наук РАНХиГС. Москва, Россия. Научные интересы: этничность и национализм, культурное разнообразие, миграционные исследования, исследования гражданства. E-mail: malakhov-vs@ranepa.ru
 - 2 Багдасарова Нина Ароновна — кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии Американского университета в Центральной Азии (Бишкек, Кыргызстан). Научные интересы: политика многообразия, проблемы равенства, психология образования. E-mail: bagdasarova_n@auca.kg; nina.bagdasarova@gmail.com
 - 3 Ибраева Гульнара Кубанычбековна — кандидат социологических наук, основатель Исследовательской компании PIL Research Company, Кыргызстан. Научные интересы: социокультурное разнообразие, миграционные исследования, гендерные и исследования гражданства. E-mail: ibraeva@gmail.com
 - 4 Олимова Саодат Кузиевна — кандидат философских наук, директор Научно-исследовательского центра «Шарк» (ORIENS), Душанбе, Республика Таджикистан. Научные интересы: миграционные исследования, ислам, конфликты, социальные институты и организация обществ Центральной Азии. E-mail: s_olimova@mail.ru
 - 5 Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.
Acknowledgments: The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

Резюме:

В статье анализируется структура и динамика политического воображаемого двух стран постсоветской Центральной Азии — Кыргызстана и Таджикистана. Как показывают авторы, России в этой структуре принадлежит особое место. Долгое время она не воспринималась многими рядовыми гражданами данных государств как иностранное государство наряду с другими. Такое восприятие было обусловлено рядом факторов, важнейший из которых — советская институциональная и психологическая инерция. На институциональном уровне советская инерция выражалась прежде всего в прозрачности границ между Россией и центральноазиатскими странами. На психологическом уровне она находила проявление в ностальгии по советскому прошлому. Накладываясь на понимание значимости миграции в Россию для материального благополучия домашних хозяйств, эта ностальгия порождала высокий уровень лояльности Москве. В последнее время, однако, Российская Федерация в глазах рядовых жителей Кыргызстана и Таджикистана постепенно становится иностранным государством в ряду других. В представлениях людей Россия по-прежнему имеет специфический статус, но эта специфика все более явно включена в глобальный контекст, в котором наряду с Москвой значение имеют Пекин и Вашингтон (а также Стамбул и Тегеран). Процесс превращения России в обычное «зарубежье» шел и раньше, однако резко ускорился после 24 февраля 2022 года. Авторы прослеживают признаки дистанцирования от России как на уровне правящих элит, так и на уровне гражданского общества. Это, в частности, усилия правительств по демонстрации многовекторности во внешней политике, изменения в публичной риторике первых лиц, а также проявления антироссийских настроений в публичной сфере Кыргызстана.

161

Ключевые слова: политическое воображаемое, национальная идентичность, суверенитет, Центральная Азия, Кыргызстан, Таджикистан, Россия

Vladimir Malakhov¹

RANEPА, Moscow, Russia

Nina Bagdasarova²

American University of Central Asia, Bishkek, Kyrgyzstan

- 1 Malakhov Vladimir Sergeevich — Dr. of Sciences (Political Science), professor, School for Advanced Studies in the Humanities, Institute for Social Sciences RANEPА, Moscow, Russia. Research interests: ethnicity and nationalism, cultural diversity, migration studies, citizenship studies. e-mail vmalachov@yandex.ru
- 2 Bagdasarova Nina Aronovna — PhD in Psychology, Professor of the Department of Psychology at the American University of Central Asia (Bishkek, Kyrgyzstan). Research interests: Diversity politics, equality issues, educational psychology. E-mail: bagdasarova_n@auca.kg; nina.bagdasarova@gmail.com

Gulnara Ibraeva¹

PIL Research Company, Kyrgyzstan

Saodat Olimiva²

Research Center “Shark” (Oriens), Dushanbe, Tajikistan

Transformations of the Political Imaginary in Post-Soviet Central Asia: The Cases of Kyrgyzstan and Tajikistan

Abstract:

The paper examines the structure and dynamics of the political imaginary of the two countries of post-Soviet Central Asia - Kyrgyzstan and Tajikistan. As the authors show, Russia has a special place in this structure. For a long time, many ordinary citizens of these states did not perceive Russia as a foreign state on an equal footing with others. This perception was due to a number of factors, the most important of which was Soviet institutional and psychological inertia. At the institutional level, Soviet inertia was expressed primarily in the transparency of the borders between Russia and the Central Asian countries. On a psychological level, it manifested itself in nostalgia for the Soviet past. It was the overlapping of soviet nostalgia with the understanding of the importance of migration to Russia for the material well-being of households that gave rise to a high level of loyalty to Moscow. Recently, however, the Russian Federation has started to gradually become a foreign state among others in the eyes of ordinary residents of Kyrgyzstan and Tajikistan. In the minds of people, Russia still has a specific status, but this specificity is increasingly seen in a global context; in this context, other actors along with Moscow matter (Beijing and Washington, as well as Istanbul and Tehran). The process of turning Russia into an ordinary “abroad” was going on before, but it accelerated sharply after February 24, 2022. The authors identify signs of distancing from Russia both at the level of the ruling elites and at the level of civil society. Among these signs are, in particular, the desire of governments to demonstrate a multi-vector foreign policy, a change in the public rhetoric of top officials, as well as manifestations of anti-Russian sentiment in the public sphere of Kyrgyzstan.

Keywords: political imaginary, national identity, sovereignty, Central Asia, Kyrgyzstan, Tajikistan, Russia

- 1 Ibrayeva Gulnara Kubanychbekovna — PhD in Sociology, Founder of PIL Research Company, Kyrgyzstan. Research Interests: Sociocultural Diversity, Migration Studies, Gender and Citizenship Studies. E-mail: ibraeva@gmail.com
- 2 Olimova Saodat Kuzievna — Candidate of Philosophy, Director of the Research Center “SHARK” (ORIENS), Dushanbe, Republic of Tajikistan. Research interests: migration studies, Islam, conflicts, social institutions and organization of societies in Central Asia E-mail: s_olimova@mail.ru

Полтора десятилетия назад английский комик и кинопродюсер Саша Барон Коэн выпустил скандальный фильм «Борат: изучение американской культуры на благо славного народа Казахстана». В ответ на возмущенные заявления казахстанцев (включая официальных лиц) автор ленты заявил, что показанная в ней страна не имеет никакого отношения к реальному Казахстану — выбран же последний был только потому, что о нем в Америке никто ничего не знает. В самом деле, центральноазиатские государства, возникшие после распада СССР, сливались в представлении западной публики в неразличимое пятно, а то и вовсе ассоциировались с Россией¹. И хотя ситуация в академическом пространстве, разумеется, никогда не была столь безнадежной, как в пространстве публичном, исследователи, специализирующиеся на данном регионе, традиционно сетовали на дефицит уделяемого ему внимания [Cole, Kandiyoti 2002; Liu 2011; Горшенина 2007]². Исключение составляли разве что security studies [Allison 2004; Peimani 2009; Patnaik 2016; de Haas 2016³]. Интерес к данному региону постепенно возрастает, однако до сих пор в литературе доминирует оптика, в которой страны, в него входящие, лишены агентности. Они выступают скорее как объекты геополитического соперничества, чем как самостоятельные субъекты. Историки и антропологи не раз отмечали это обстоятельство: Центральная Азия в глазах внешнего наблюдателя (смотрит ли он на нее из Лондона, Парижа, Вашингтона или Москвы) — вечная «мировая периферия», нечто принципиально зависимое, пешка в «большой шахматной игре» и т. д. [Абашин 2007; Ремнев 2011; Моррисон 2017; Горшенина 2019]. Отсюда проистекает задача смены перспективы: необходимо перейти от взгляда извне к взгляду «изнутри». Что думают о себе и об окружающем мире сами люди, живущие в этой части суши? Как они представляют себе отношения их стран с соседями, с региональными и мировыми сверхдержавами, и чего ожидают от этих отношений в обозримом будущем?

163

Ниже мы намерены обозначить возможную стратегию работы с этими вопросами, обратившись к политическому воображаемому⁴ двух центральноазиатских стран — Кыргызстана и Таджики-

1 Показательно, что демонстрация фильмов режиссеров из Центральной Азии в Нью-Йорке еще в 2010-е годы проходила в формате *Russian cinema*.

2 Как отмечает С. Абашин, на каждые 100 публикаций о постсоветском пространстве лишь 5-7 приходится на Центральную Азию [Abashin 2015].

3 Примечательно название периодического издания, в котором вышла эта статья: «Журнал *славянских* военных исследований» (курсив мой. — В. М.).

4 Экспликацию данной категории см.: [Аренас, Дзеновска 2010; Быстрова, Дудник 2019]

стана. Обычно подобные сюжеты обсуждаются в концептуальной рамке политической идентичности [Нойманн 2004; Малинова 2010, 2016; Тимофеев 2010; Семененко 2011]. Политическая идентичность отсылает к способам, которыми правящие элиты позиционируют свое государство на международной сцене, тогда как политическое воображаемое — к образам и представлениям, в которых видят свою страну ее граждане в целом. Перефокусировка с «идентичности» на «воображаемое» позволит, как мы надеемся, преодолеть стихийный государствоцентризм исследовательского взгляда, сместив внимание на уровень *обществ*.

Выбор Кыргызстана и Таджикистана обусловлен особым местом, которое занимает в структуре их политического воображаемого Россия. Если остальные три государства постсоветской Центральной Азии за тридцать лет добились относительной автономии от Москвы, то статус Кыргызстана и Таджикистана до недавнего времени описывался в категориях «суверенной зависимости» или «зависимой независимости» [Atkin 2011; Heathershaw 2011; Laguelle 2018]. Иными словами, эти страны не окончательно «суверенизировались», оставаясь привязанными к бывшему имперскому центру невидимой пуповиной, причем эта привязка — как мы надеемся показать ниже — обусловлена не только экономическими и политическими, но и социально-психологическими факторами.

164

Станет ли 24.02.22 в этом смысле цезурой? Прослеживаются ли существенные изменения в отношении двух рассматриваемых стран к России после начала военного противостояния в Украине?

В российской орбите: правящие элиты

Специфика выбранных нами двух государств¹ заключается, среди прочего, в том, что их руководство до сих пор не предпринимало активных шагов по символическому дистанцированию от России. Это было заметно и в топонимике кыргызской и таджикской столиц, и в проводимой Бишкеком и Душанбе исторической политике, и в составе государственных праздников, и в устройстве публичной риторики чиновников.

Весьма красноречивы названия районов в Бишкеке (Ленинский, Октябрьский, Свердловский и Первомайский), а также горная вершина в Кыргызстане, в 2011 году названная пиком им. В. Путина. В Душанбе центральные улицы были переименованы (проспект Ленина стал проспектом Рудаки), однако целый ряд прежних назва-

1 Различия между двумя этими странами мы выносим за скобки.

ний сохранились (улица Титова, улица Фучика, совхоз Дзержинского и т. д.).

В обоих государствах нерабочими днями, наряду с праздниками по исламскому календарю, являются 8 марта, 1 мая, 9 мая и даже 23 февраля. В Кыргызстане даже официальные названия этих праздников либо не претерпели изменений с советских времен (Международный женский день), либо переименованы на российский лад (23 февраля — День защитника Отечества, 1 мая — Праздник труда). Кыргызстанцы отмечают и 7 ноября (7-8 ноября — нерабочие дни, именуемые «Днями истории и памяти предков»). В Таджикистане ситуация чуть иная: 23 февраля называется Днем вооруженных сил Республики Таджикистан, а 8 марта — Днем матери.

Показательно и то, что ни в той, ни в другой стране на протяжении всех постсоветских десятилетий не наблюдалось педалирования темы колониализма и деколонизации, столь характерных для официального дискурса в Узбекистане [Abashin 2011] и все более активно присутствующих в публичной сфере Казахстана [Kudaibergenova 2016; Laguelle 2021]. В этой связи показательно содержание учебников истории. В Таджикистане освещение национальной истории основывается на монографии Бободжона Гафурова «Таджики», написанной еще по советскому канону¹. (Эта книга была издана огромными тиражами и подарена президентом Таджикистана Э. Рахмоном каждой таджикской семье.) В кыргызских учебниках истории — опять-таки, в отличие от узбекских — тема колониализма смягчена. Колониальным называется только время нахождения кыргызов в составе царской России. Что касается СССР, то этот период в основном оценивается сквозь призму модернизации (создание национальной государственности, ликвидация неграмотности, появление национальной интеллигенции, институты социальной защиты т. д.)². Официальные лица обоих государств избегают риторики постколониализма, периодически всплывающей у их визави из соседних стран³.

- 1 Академик Б. Гофуров (1908-1977) был ученым-востоковедом и крупным партийным деятелем, одно время даже возглавлял ЦК Компартии Таджикской ССР.
- 2 Хотя авторы учебников и оценивают ряд событий и явлений первых десятилетий XX века (восстание 1916 года, басмаческое движение и т. д.) совсем иначе, чем это делала официальная советская историография.
- 3 Напомним, к примеру, заявления бывшего министра информации и общественного развития Казахстана Аскара Умарова о необходимости «деколонизации сознания».

Тяготение к России: общества

Не так давно одна молодая таджикская исследовательница выступила со статьей с саркастическим названием: «Как я могу быть постсоветской, если я никогда не была советской?» [Ibabez-Tigado 2015]. Между тем случай Таджикистана (как и Кыргызстана) как раз из тех, в которых проблематика присутствия советского институционального и ментального наследия в постсоветскую эпоху особенно актуальна. Сама автор, будучи рожденной после 1991 года, конечно, не была советской. Но советскими были ее родители. Советскими были их соседи — в том прежде всего смысле, что их социализация проходила в рамках советских институтов, а эти институты не могли быть (и не были) демонтированы в одночасье. Более того, драматичное социально-экономическое положение, в котором оказались эти страны в результате упадка промышленного производства, деиндустриализации, безработицы, исчезновения системы социальной защиты и т. д., не способствовало тому, чтобы их руководство могло бросить все силы на строительство новых, несоветских институтов. (В таджикском случае дело усугублялось гражданской войной, длившейся до 1997 года.) Очевидно, в первую очередь по этой причине рядовые таджикские и киргизские граждане обратились к такому средству выживания, как миграция. Страной назначения последней была, разумеется, Россия. А поскольку в первое десятилетие после распада СССР граница с Россией оставалась весьма условной¹, неудивительно, что жители новообразованных независимых государств продолжали жить в воображаемой единой стране. Добавим сюда такое обстоятельство, как стереотипы сознания и поведенческие навыки, сформированные в советский период; добавим сюда также опыт тех мигрировавших в Россию кыргызстанцев и таджикстанцев, кто отучился в российских учебных заведениях или отслужил в Советской армии², и мы по-

166

1 До 2002 года включительно граждане этих стран могли въезжать в Россию по документам советского образца. Затем еще более 10 лет для пересечения границы было достаточно внутреннего паспорта, и лишь после 2015 года для этого потребовался загранпаспорт. Однако разрешения на въезд в РФ (визы) по-прежнему не требуется. В этом смысле границы между постсоветскими государствами были и остаются прозрачными.

2 Для многих таджикстанцев 1950–1970-х годов рождения стало настоящим шоком подписание в 2003 году межгосударственного соглашения между РФ и РТ, отменившего действие советских документов. Эти люди лишь тогда осознали, что привычное представление, согласно которому «Москва — столица нашей родины», больше не соответствует действительности. Они, разумеется, понимали, что юридически Советского Союза не существует,

лучим уникальную психологическую ситуацию, еще ждущую своих романистов.

В 1990-е годы в регионе начинает складываться советская ностальгия — тоска по (идеализированному) образу СССР, который люди мысленно противопоставляли собственным «несостоявшимся государствам».

На этом умонастроении уместно остановиться отдельно.

Ностальгия по СССР

В 1990-е годы в Таджикистане существовало движение за восстановление СССР, имевшее массовую поддержку. Так, в 1996 году под манифестом, призывавшим восстановить Советский Союз, подписалось более 1,5 миллиона граждан Таджикистана — это практически половина взрослого населения страны на тот момент [Олимова, Олимов 1999: 40].

Советская ностальгия со временем не только не пошла на убыль, но, напротив, усилилась. Чем дальше уходил в прошлое Советский Союз, тем сильнее становилась тоска по вымышленному «золотому веку». Вот что отмечает в этой связи Джозеф Сахадео, на протяжении многих лет изучавший настроения постсоветских мигрантов в России¹:

«Информанты обнаружили ностальгию по советской системе — не столько по социальным гарантиям, с ней связанным, сколько по очевидным свободам и вертикальной мобильности. Когда мигранты возвращались в памяти к соответствующему периоду своей жизни, их ностальгия усиливалась. Ксенофобия, характерная для сегодняшней России, лишь усиливает “закон набирающих ценность воспоминаний” — прошлое предстает в более приятном свете и выглядит проще, чем оно было на самом деле» [Sahadeo 2012: 358].

С момента публикации работы Дж. Сахадео прошло целое десятилетие (а сами его исследования проводились несколькими годами ранее), и можно предположить, что с тех пор настроения центральноазиатских мигрантов и их соотечественников на родине изменились. Между тем это не так — во всяком случае в Таджикистане.

В марте 2022 года таджикистанский журналист Марат Мамаджоев отмечал:

но инерция отношения к Москве как к центру общего социокультурного пространства сохранялась.

1 Свои опросы он проводил, в частности, среди киргизских, азербайджанских, молдавских и таджикских мигрантов.

«Наши люди воспринимают Россию как СССР, хотя у этого проекта нет ничего общего с советским государством. Сейчас наши граждане больше ассоциируют себя не с Таджикистаном, а с Кремлем. <...> Нужна дискуссия и ревизия того, что у нас есть. Мы же фактически не знаем, на каком этапе мы сейчас находимся и куда нам идти дальше. Советский проект давным-давно потерпел крах, но мы все еще держимся за него, воспринимаем Россию как продолжение СССР и не двигаемся дальше»¹.

Любопытно, что даже в случаях, когда простые люди в Таджикистане демонстрируют критичное отношение к России, они зачастую мотивируют это отступлением постсоветской России от советских идеалов.

В России и ее устоях нет ничего хорошего. Раньше можно было сказать, что было к чему стремиться и брать с России пример, а сейчас — нет. Наш народ не уважают, обращаются с большинством не соответствующим образом. Что касается Америки, то я вообще ничего не хочу говорить, но мой племянник хвалит жизнь в Америке, так как проживает там. Но я не знаю, я там не был. О Китае также не могу ничего сказать о том, что стоит ли брать с них пример. Но что касается экономического развития, то Китай, конечно, хорошо развивается. Каждому своя Родина. Везде любят и уважают свой народ, несмотря на то, что страны многонациональны.

А., 35 лет, торговец (Интервью С. Олимовой, август 2022)

Что касается Кыргызстана, то советская ностальгия здесь, возможно, не приобрела аналогичных масштабов, и тем не менее это умонастроение долгое время было свойственно немалому числу рядовых граждан. Приведем наблюдение, сделанное американско-белорусской исследовательницей Еленой Гаповой в середине 2000-х годов. Ее поразил контраст между повесткой конференции, на которую она ехала вместе с центральноазиатскими коллегами («постколониальный феминизм»), и настроениями жителей киргизских городков, мимо которых они проезжали: население «грезило восстановлением СССР — на фоне лозунгов во славу обретенной независимости» [Sub altera specie 2008: 92].

Разумеется, далеко не все общество в Кыргызстане и Таджикистане, особенно в молодых когортах, подвержено советской ностальгии. Однако будучи наложено на широкую вовлеченность граждан

1 https://newreporter.org/2022/05/03/marat-mamadshoev-kazhdyy-den-auditoriya-v-tadzhikistane-slushaet-argumenty-bezumnyx-zhurnalystov/?fbclid=IwAR06FrrKmX4JRq3_OWnwE0NVd2jg3MoHx4JAUeiGgB5vTHp-6RzeNF6D4zY

обеих стран в миграционные процессы¹, данное умонастроение способствует особому отношению к России.

Пророссийские установки в общественном мнении

Подавляющее большинство населения обеих стран демонстрирует высокий уровень симпатий к России. Вот как выглядело отношение таджикистанцев к различным странам, согласно опросу общественного мнения, проведенному Центром «Шарк» (Душанбе) в 2016 году.

Табл. 1. Распределение респондентов по их отношению к различным странам (% , N = 2040)

Отношение	Россия	Китай	Иран	США
Очень доброжелательное	76,0	44,5	27,9	12,2
Скорее доброжелательное	21,6	39,2	55,9	33,1
Скорее недоброжелательное	0,9	11,2	7,6	33,1
Очень недоброжелательное	0,5	1,1	1,4	12,2
Не знаю	0,8	4,1	7,2	11,4
Всего	100	100	100	100

169

Как видим, доля пророссийски настроенных респондентов составляет около 98 %, при полутора процентах настроенных антироссийски и крайне незначительном числе воздержавшихся от ответа. В то же время антиамериканские настроения проявили 45 %, а от ответа уклонился каждый десятый.

В Кыргызстане пророссийские установки выражены чуть слабее. Согласно опросу Central Asia Barometer при Центре Вудро Вильсона, проводившемуся с июня 2017 по ноябрь 2019 года, доля граждан этой страны, настроенных к России «очень доброжелательно», составила 39 %, доля настроенных «скорее доброжелательно» — 47 %, при этом

1 Таджикистан и Кыргызстан занимают третье и четвертое место в мире, соответственно, по доле денежных переводов от мигрантов в структуре ВВП. 90 % трудовой миграции приходится на Россию.

те, кто уклонился от ответа или заявил о своем недоброжелательном отношении к России, в совокупности составила 11%. Тем не менее общее количество положительно настроенных впечатляет: это 86 % от всех респондентов [Laguette, Ross 2020]. Отметим, что в Узбекистане и Казахстане соответствующие показатели на 10–15 процентных пунктов ниже [Ibid.]¹.

Вплоть до самого недавнего времени среди таджикских граждан можно было наблюдать проявления лояльности России, носившие несколько избыточный, эксцессивный характер. Назовем это явление «феноменом эксцессивной лояльности».

Феномен эксцессивной лояльности

Не будет преувеличением сказать, что на протяжении 2010-х годов российский президент в глазах многих жителей Кыргызстана и Таджикистана был едва ли не предметом культа. В ютубе по запросу «Таджики в России» можно, среди прочего, натолкнуться на видеоклип «ВВП» (Владимир Владимирович Путин). Песню написал и разместил в Сети некто Толибжон Курбанханов — по одним данным, «парень с душанбинской автомойки», по другим — предприниматель, занимающийся перегонем автомобилей и живущий попеременно в Таджикистане и России. Материал был вывешен накануне выборов и представлял собой неприкрытый панегирик президенту (на тот момент премьер-министру) России. Клип набрал 1,6 млн просмотров, что вдохновило автора создать еще два аналогичных произведения. За этим последовал короткий момент славы — блогера пригласили на один из федеральных каналов, а другой канал рассказывал о нем как о типичном проявлении любви к главе российского государства, разлитой по всему постсоветскому пространству. Шестью годами позднее, накануне президентских выборов 2018 года, Т. Курбанханов записывает еще одну песню во славу Путина, что не могло пройти мимо внимания прессы². Тексты всех этих песен столь гротескно сервильны, что и у комментаторов

170

1 Обращает на себя внимание, в сколь большей мере ответы респондентов зависят от того, как они представляют себе ожидания опрашивающих их социологов. В случаях, когда опросы проводились американскими аналитическими центрами, число таджикистанцев, заявивших о своем позитивном отношении к США, резко возросло, тогда как число признавших в своей нелюбви к Америке, напротив, резко сократилось по сравнению с аналогичными показателями опроса, проведенного их соотечественниками из Центра «Шарк».

2 См.: «Таджик спел четвертую песню о Путине, побив собственный рекорд» // Asia-Plus. 20.03.2018 <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/soci>

в СМИ, и у зрителей в Сети постоянно возникал вопрос об искренности автора. И хотя некоторые из вопрошавших допускали элемент троллинга, подавляющее большинство склонялось к выводу, что таджикский блогер изложил в своих песнях собственные мысли. Гравировка на циферблате его часов, которая крупным планом появляется в одном из клипов («Я люблю Путина»), кажется, отражает его личную позицию.

Т. Курбанханов — далеко не единственный таджикский сочинитель такого рода. На ресурсе Asia-Plus в том же 2018 году вышел материал под красноречивым названием «Сахара с ним — цветущий сад, Не будь его, Россия — ад. Таджикские поэты о Путине»¹. Героем повествования в данном случае выступал автор по имени Азам Рахимов, учитель русского языка и литературы из г. Истаравшан.

Проявления подобного рода эксцессивной лояльности можно наблюдать не только в интернете. Высока вероятность столкнуться с манифестациями такой лояльности в точках сервиса — мастерских по мелкому ремонту (от обуви и изготовления ключей и замене батареек в часах), хозяевами или работниками которых являются мигранты из Центральной Азии (в основном из Таджикистана и Узбекистана). Такие заведения зачастую увешаны самодельными плакатами, представляющими собой фотомонтаж из снимков В. Путина рядом с хозяином данной точки сервиса. Иногда это просто серии фотографий Путина, снабженные надписями вроде «Владимир Владимирович, мы с Вами!»².

171

Мы, конечно, не знаем, что на самом деле стоит за подобными жестами. Демонстрация лояльности в таких случаях вполне может быть мотивирована вовсе не искренними чувствами, а соображениями выживания. Выходец из Центральной Азии, живущий в не самой благоприятной среде, как умеет, посылает этой среде сигнал «я свой!».

Пророссийские настроения транслируются в электоральное поведение жителей Кыргызстана и Таджикистана, имеющих российское гражданство. Материал на ресурсе Asia-Plus, посвященный президентским выборам в России в 2018 году, носил красноречи-

ety/20180320/tadzhik-spel-chetvertuyu-pesnyu-o-putine-pobiv-sobstvennii-rekord

- 1 <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20180316/sahara-s-nim-tsvetushii-sad-ne-bud-ego-rossiya-ad-tadzhikskie-poeti-o-putine>
- 2 Весной 2022 года, после объявления очередного пакета антироссийских санкций, одному из авторов этих строк попала на глаза сопровождающая путинское фото экскламация: «Хотите изолировать Россию? А изолянты хватит?» На вопрос, кто это сочиняет и изготавливает, хозяин мастерской по имени Рашид ответил: «Мы с друзьями».

вый заголовок «Как Центральная Азия Путина выбирала». Речь там шла о кыргызстанцах, отказавшихся от кыргызского паспорта ради российского (и, соответственно, ради российской пенсии и форм политической защиты, которых они лишены на родине), и о таджикстанцах, по несколько часов стоявших в очереди у избирательных участков для того, чтобы «отдать свой гражданский долг». 95 % пришедших к избирательным урнам отдали свои голоса за Путина. У некоторых молодых мужчин на майках красовалось изображение того, за кого они проголосуют¹.

Опять-таки, о репрезентативности картинки, которую можно наблюдать у таких избирательных участков, судить трудно. Во-первых, потому, что получение второго паспорта² всегда мотивировано чисто прагматическими соображениями. Во-вторых, потому, что нам не дано знать, какие соображения стоят за демонстрацией лояльности (особенно в ситуации, когда риски столкновения с произволом властей и/или ксенофобией обывателей достаточно высоки).

172

Как бы то ни было, за последнее время произошло немало значимых событий, которые не могли не повлиять на установки рядовых граждан Кыргызстана и Таджикистана, а также на позиции их правящих элит.

Трансформации политического воображаемого

1. Правящие элиты

Сегодня мы являемся свидетелями процесса отдаления центральноазиатских государств от России, затронувшего в том числе и страны, избранные нами для анализа.

Строго говоря, изменения в отношении к России в Кыргызстане наметились еще весной 2021 года — в период вооруженного конфликта на киргизско-таджикской границе. Пассивная позиция России была истолкована кыргызстанским руководством как фактическая поддержка Таджикистана³. Тогда же в парламенте страны впервые

1 <https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20180320/kak-tsentralnaya-aziya-putina-vibirala>

2 Межгосударственное соглашение между РФ и РТ разрешает сохранять оба гражданства.

3 Откровенное раздражение в элитах вызвало награждение на этом фоне российским орденом президента Э. Рахмона, состоявшееся в октябре того же года в Москве. См.: https://kaktus.media/doc/468487_vyzhyvaet_nedoymenie_press_sekretar_mid_kr_prokomentiroval_nagrady_rahmona_ot_pyatina.html. Аналогично отреагировала на это награждение и общественность.

прозвучали предложения о выходе из ОДКБ, а президент Жапаров дал пространное интервью турецкой прессе, в котором указал на ошибочную внешнеполитическую линию прежнего руководства и на необходимость более тесного сотрудничества с Турцией.

После 24 февраля 2022 года признаки дистанцирования от России прослеживаются в обеих анализируемых странах — как в риторике официальных лиц, так и в проводимой ими символической политике¹. В июле Таджикистан переименовал две горных вершины — пику Маяковского и пику Октябрьский присвоены национальные имена². В парламенте Кыргызстана периодически активизируются депутаты, выступающие с инициативой сменить алфавит с кириллицы на латиницу, а также усилить позиции государственного языка в публичном пространстве. В январе 2023 года в первом чтении был принят Закон о государственном языке, который, хотя и не отменяет статуса русского языка как официального, предусматривает меры по продвижению кыргызского языка, чреватые, по мнению экспертов, возможностью популистских злоупотреблений³.

Во время саммита в Астане (октябрь 2022) таджикский президент Рахмон произносит монолог, в котором, среди прочего, призывает президента Путина перестать обращаться с государствами Центральной Азии как с частями бывшего СССР⁴. В ноябре спикер парламента Кыргызстана выступает с предложением изменить названия районов в столице страны (те самые Ленинский, Первомайский и проч., о которых шла речь выше)⁵.

См.: <https://vesti.kg/politika/item/104991-omurbek-abdyrakhmanov-putin-navernoje-schitaet-cto-dejstviya-rakhmona-pravilnye-i-on-ego-nadezhnyj-drug.html>

- 1 Дело, впрочем, символической политикой не ограничивается. К примеру, с 2004 года все центральноазиатские государства, за исключением Туркменистана, участвуют в программе «Региональное партнерство», запущенной по инициативе США. В рамках программы ежегодно проводятся командно-штабные учения. В августе 2022-го они в течение десяти дней проходили в Душанбе. В учениях приняли участие военные из США, Пакистана, Монголии и четырех стран постсоветской Центральной Азии.
- 2 <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220701/v-tadzhikistane-pereimenovali-piki-mayakovskogo-i-oktyabrskii>
- 3 «Как закон о госязыке изменит отношение к русскому языку в Киргизии. И может ли это стать проблемой в отношениях Бишкека с Москвой». <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2023/63ca82739a794704c8f07d89>
- 4 Рахмон — Путину: «Мы хотим, чтобы нас уважали». Отметим, что это выступление Рахмона набрало в ютьюбе 10 млн просмотров <https://www.youtube.com/watch?v=koplRt5-eUE>
- 5 <https://ru.sputnik.kg/20221125/kyrgyzstan-bishkek-rayon-pereimеноvanie-shakiev-1070323372.html>

Возможно, слишком большое значение придавать подобным символическим действиям не стоит. Структурная зависимость обеих стран от России слишком велика, чтобы их лидеры могли позволить себе предпринять серьезные практические шаги по переориентации на другие центры власти. Демонстративные жесты, нами перечисленные, представляют собой сигнал о своем «неполном удовлетворении» действиями Москвы, однако форма и содержание этого сигнала всякий раз тщательно взвешены. Например, президент С. Жапаров, не поехав в российскую столицу 7 октября 2022 года на неформальный саммит по случаю 70-летия президента Путина, (а) поздравил юбиляра по телефону, объяснив свое отсутствие уважительными причинами, и (б) делегировал в Москву госсекретаря. Упомянутая выше речь главы Таджикистана, которая многими наблюдателями расценивалась как едва ли не бунт, на поверку оказывается весьма амбивалентной. Достаточно прислушаться к интонациям и использованной Э. Рахмоном риторике. «Где мы что-то нарушили? Где не так поздоровались? <...> Мы что, чужестранцы какие-нибудь?» — обращается он к В. Путину. (Уже лексика говорит сама за себя: говорящий по умолчанию исходит из того, что представляемая им страна не является для России таким же иностранным государством, как, скажем, Дания.) Сетуня на недостаточно уважительное отношение Москвы к Душанбе, президент Рахмон сообщает хозяину Кремля о чередующихся шагах с таджикской стороны, которые должны показать лояльность России (открыто столько-то новых школ, по всей стране — обязательное преподавание русского языка и т. д.). Иначе говоря, его послание — скорее просьба младшего партнера к старшему, чем манифест о несогласии главы одного суверенного государства с политикой другого.

174

Кроме того, Кыргызстан и Таджикистан не совершили ни дипломатических, ни символических действий, подобных тем, на которые решились их соседи¹. И все же нельзя не отметить, что руководство обеих стран активизировало усилия по осуществлению давно продекларированной «многовекторной» внешней политики, пусть и с постоянной оглядкой на Москву.

2. Гражданское общество

В марте 2022 года в Бишкеке и других городах Кыргызстана прошли митинги — как с протестами против действий России в Украине,

1 В ряду этих действий — заявление МИД Узбекистана о непризнании ДНР, ЛНР и других присоединенных к России украинских территорий, а также аналогичные заявления президента Казахстана Касыма-Жомарта Токаева.

так и в поддержку России. В мае группа кыргызстанских альпинистов водрузила на пик имени Путина украинский флаг. Поскольку это явно пахивало дипломатическим скандалом, власти попросили другую группу альпинистов флаг снять. 17 августа, в преддверии Дня государственного флага Украины, украинское посольство в Кыргызстане сообщало о том, что местные альпинисты водрузили украинский флаг на пике Хан-Тенгри¹. В прессе также были сообщения о фреске в поддержку Украины, появившейся на одной из улиц Бишкека, равно как и о том, что на следующий день она была закрашена², а еще через день была в слегка измененном виде растиражирована в Сети известной бишкекской художницей³.

Судебными решениями проведение массовых мероприятий на основных площадях столицы было запрещено — сначала с 11 марта на месяц, а затем запрет был продлен до 1 июля и касался всех видов публичных акций по вопросу российско-украинского конфликта. Несмотря на это, 2 апреля в Бишкеке состоялось еще два митинга. Первый — в поддержку России, второй — «против путинизма». Правда, участники второго митинга смогли простоять на площади не более четверти часа, после чего все они были задержаны милицией и обвинены в том, что «предприняли провокационную попытку пройти пешком маршем до посольства Российской Федерации»⁴.

175

С тех пор страсти перетекли в виртуальное пространство. Вот как суммировала дискурс полярных информационных каналов медиа-эксперт Э. Токтогулова:

«В местном сегменте соцсетей отмечено, что “фабрики троллей”, работающие на нынешнюю кыргызскую власть, продвигают установку в поддержку политики России. Аргументация следующая:

“В России миллионы кыргызских мигрантов, критика России отразится на них негативно и страна останется без их ежегодных миллиардов долларов перечислений”.

“Если не соглашаться с Россией, она спровоцирует очередной военный конфликт на границе Таджикистана с Кыргызстаном и поддержит агрессию против нас”.

1 https://24.kg/obschestvo/242597_alpinisty_i_izkyrgyzystana_vodruzili_ukrainskiy_flag_napik_han-tengri/

2 https://24.kg/obschestvo/240059_vbishkeke_zakrasili_fresku_osolidarnosti_ipodderjke_ukrainskogo_naroda/

3 См.: https://24.kg/obschestvo/240186_fresku_opodderjke_ukraintsev_zakrasili_atatyana_zelenskaya_sozdala_tsifrovuyu/

4 <https://cabar.asia/ru/kak-ranshe-uzhe-ne-budet-kak-voyna-v-ukraine-skazyvaetsya-na-otnosheniyah-mezhdu-lyudmi-v-kyrgyzstane>

“Кыргызстан — маленькое и слабое государство с неустойчивой политической системой, огромным внешним долгом и зависимостью от импорта, уж лучше быть под Россией, чем под Китаем, все равно кто-то нас должен крышевать”.

“Только благодаря России Китай не нападает на Кыргызстан, она наш единственный защитник от Китая”.

Контраргументы пользователей, настроенных антироссийски, выглядят следующим образом:

“Россия — тонущий корабль, который, затонув, потянет и нас на дно, надо срочно выходить из всех союзов с ней, пока не поздно”.

“Вторичные санкции — реальная угроза для Кыргызстана, даже если он сегодня занимает нейтральную позицию”.

“Россия не остановится на Украине, бывшие советские республики — следующие цели в возрождении русской империи, эти призывы не первый год артикулируются политиками и СМИ в России”.

“Кыргызстан должен начать строить свою самостоятельную независимую политику, перестать быть губернией России, для этого есть потенциал — люди, ресурсы, идеи”¹.

176

Ряд блогеров активно используют плакаты и карикатуры, обвиняя Путина в агрессии против Украины и призывая граждан КР не молчать. Их оппоненты возражают, опираясь на довод о зависимости антироссийских комментаторов от западных спонсоров. Так, журналист Дайырбек Орунбеков, выступил на своей странице в соцсетях со следующим заявлением:

«Уважаемые неправительственные организации, проамериканские гражданские активисты! Вы — те, кто получает американские гранты, обвиняете Путина и созываете людей на митинг. Ваш митинг никому не поможет (может быть, вы отработываете свои гранты), наоборот, принесет больше вреда. Например, не исключено, что украинские и западные СМИ покажут ваш митинг на своих сайтах с фотографиями, заявив, что “Кыргызстан провел митинг в поддержку Украины и против России”. По сути, им все равно, что выйдут 5-6 проамериканских грантоедов. Возможно, это окажет негативное влияние на отношения между Россией и Кыргызстаном. Сегодня миллионы кыргызстанцев находятся в трудовой миграции. Вы не подумали, что ваши бездумные митинги и мероприятия негативно повлияют на миллионы наших кыргызских соотечественников? В погоне за очередным грантом не суйте свой

1 Токтогулова Э. Третья мировая. Информационная. http://center.kg/article/452?fbclid=IwAR3oz5rpOBSkmHXtFDoLm3-B_5XGtXT0N5My4OGLGDovEZiryeb9a1ELyF4

нос, не ввязывайтесь в конфликт между двумя большими странами, в этот раз посидите тихо дома»¹.

Раскол повлиял и на повседневные отношения граждан. Нередки были обращения в медиа, когда люди обращались к органам власти с требованием прекратить пропагандистскую деятельность на рабочих местах кыргызстанцев. Так, например, блог «Клооп медиа» рассказывает об организованной учительницей средней школы кампании травли ученицы выпускного класса, высказавшей протест против российской пропаганды на уроках географии².

В Таджикистане ситуация принципиально иная. Поскольку режим Э. Рахмона жестко контролирует публичную сферу, о настроениях рядовых таджикстанцев судить трудно не только на основании публикаций в СМИ, но и на основании сообщений в открытых соцсетях.

Тем не менее одно наблюдение в этой связи сделать позволено. В Таджикистане значительно ниже доля тех, кто получает информацию из интернета, чем в Кыргызстане. Среди кыргызской молодежи (18–29 лет) эта доля составляет 82 %, тогда как среди таджикской — 48 %; в старших возрастных группах (от 30 до 49 лет) в Кыргызстане на интернет полагаются более 70 % респондентов, а в Таджикистане — менее 40 %³. Возможно, это отчасти объясняет полученные нами результаты интервью. Таджикские респонденты демонстрируют если не единодушие, то очевидное доминирование однозначно пророссийских взглядов, в то время как кыргызские — высокую степень плюрализма мнений.

177

Настроения в таджикском и кыргызском обществах согласно интервью

1. Таджикистан

В августе 2022 года мы провели интервью в шести городах Таджикистана. Было опрошено 24 человека. Все — мужчины с высшим образованием, в основном среднего и старшего возраста (четверо — младше 30).

1 https://www.vb.kg/doc/414662_dayyrbek_orynbekov_obratilsia_k_mitingyushim_protiv_voyny_na_ykraine.html

2 <https://kloop.kg/blog/2022/05/20/ona-otmetila-chto-ves-klass-nachal-podstrekat-ee-doch-chtoby-ona-ne-prerekalas-s-pedagogom-a-segodnya-ee-stal-tseply>

3 См.: <https://ca-barometer.org/assets/files/froala/f67ac6f34d17e7e3b51e3be30aedb-9ffe60d9ae9.pdf>

Большинство респондентов демонстрировали высокую степень лояльности России. В оценках российско-украинского конфликта доминировала однозначная поддержка российской позиции и осуждение Запада.

Это стычка интересов сверхдержав. Конечно, здесь наравне с конкуренцией между Западом и Россией есть еще и внутренний фактор. Возьмем историю смены президентов Украины... Националисты, которые появились в Украине, полностью унижают религию. Они открыто показывают, пропагандируют, внушают фашистскую идеологию. В таком случае естественно, что Россия не смогла тихо сидеть в стороне. Я полагаю, что это и привело к битве и кровопролитию.

Ш., 69 лет, преподаватель университета

Сегодня, к сожалению, Запад превратил Украину в поле апробирования своего оружия. Дают оружие, не важно, что солдаты умрут. Сегодня Украина погрязла в долгах по самые уши, несколько поколений будут отдавать. Поэтому нужно как можно скорее сесть вокруг переговорного стола и решить это мирным путем, пока города не развалились. Украина цивилизованная, развитая страна в сердце Европы. Нельзя допустить, чтобы один региональный конфликт перешел в третью мировую войну. Надо это предотвратить.

178

Дж., 43 года, доцент университета

В этом конфликте виновна Украина. Но пострадали не только украинцы, русские, но и многие другие народы, и наш — тоже.

А., 26 лет, аспирант

Звучали и более радикально антизападные мнения. Примечательно, что респонденты зачастую мотивировали свою пророссийскую позицию тем, что работа в России для них и их сограждан является важным источником дохода.

Я поддерживаю позицию России, так как именно туда мы едем зарабатывать, помогаем нашим семьям. То, что РФ сейчас борется не только с Украиной, но и со всем миром, Европой, Америкой, Канадой, это и есть глобальная проблема.

Н., 34 года, учитель

И лишь некоторые респонденты позволяли себе робко высказаться в слегка ином ключе.

Я не могу сказать, кто виноват, но я знаю точно, что в этом конфликте страдает и наше население. Этот конфликт — война между Украиной и Россией — была ошибочным вариантом.

Х., 39 лет, программист

Мне жалко Украину. Она является пешкой в большой игре.

Б., 60 лет, руководитель дехканского хозяйства

Когда мы просили наших респондентов высказаться о внешнеполитических приоритетах Таджикистана в обозримом будущем, большинство из них называли в качестве партнеров Россию и Китай.

Я думаю, что наиболее важным международным партнером станет Россия, так как именно туда направлены основные потоки трудовых мигрантов и именно оттуда поступают финансовые переводы, что улучшает экономическое положение нашей Родины в целом.

Э., 32 года, журналист

Правда, партнерство с Россией обосновывалось не только исторически устоявшимися связями, но и чисто прагматическими соображениями.

179

Есть пословица: «Из всех зол — выбирать наименьшее зло». Наименьшим злом для нас является Россия. Я думаю, именно Россия станет наиболее важным международным партнером для нас через 20 лет.

Ф., 55 лет, учитель истории

В ходе интервью мы не раз убеждались в том, что часть таджикстанцев по-прежнему смотрит на Россию сквозь советские очки.

Я думаю, среди международных партнеров нашей республики наиболее важным партнером является именно Россия. Мой выбор по причине того, что с РФ мы сотрудничаем с XVIII века (sic!) и это наиболее знакомая нам модель развития. Необходимо отметить, насколько развилась наша республика за все эти годы, что было раньше (до СССР) и сравните, что теперь. Сколько строительных проектов было построено, сколько помощи оказывала Россия, а также нашу безопасность обеспечивает военная дивизия, расположенная в нашей республике до сих пор. Все это говорит о том, что с этой страной необходимо сотрудничать и дружить, поддерживать отношения. Модель развития экономики также подходит и нам.

Э., 55 лет, предприниматель

Для некоторых из наших респондентов рассуждения на злободневные темы становились поводом поностальгировать по советским временам.

Проблема Украины появилась не за десять-двадцать лет. Ее истоки — с давних времен, после Первой мировой войны. Там есть позиция Америки и стран Европы. Россия также борется за свои интересы. И та холодная война, которая началась после Второй мировой и закончилась распадом Советского Союза, можно посмотреть ее цели — *предотвращение распространения социалистического общества* (курсив наш. — Авт.).

Н., 46 лет, госслужащий

2. Кыргызстан

180 Интервью, проведенные нами в июле-августе 2022 года в Кыргызской Республике¹, обнаружили высокую фрагментированность общества. Разброс мнений относительно российско-украинского конфликта предельно широк — от радикально пророссийских до радикально проукраинских. Важно, что Кыргызстан полиэтничен². Однако, как мы покажем ниже, различия во мнениях не совпадают с этническими различиями.

Одна из опрошенных заявила о безоговорочной поддержке Кремля; живя в Кыргызстане, она чувствует себя частью России.

Я русский человек, всегда была ее патриотом... каждый должен любить свою родину и если надо, умереть за нее.

И., 45 лет, женщина, парикмахер

Патриотизм для респондентки означает личную преданность «вождю» и безоговорочную поддержку проводимой им политики:

Я каждое утро молюсь за Владимира Владимировича Путина. Если страна выбрала его, надо идти с ним до конца. Народ должен поддерживать своего президента.

1 Было проведено 17 интервью с людьми разными по этнической принадлежности, полу, возрасту и социальному положению, преимущественно в Бишкеке.

2 Самое многочисленное этническое меньшинство — узбеки (около 15 %). 5,1 % населения республики составляют русские (это более 340 тыс. чел.). Есть и другие этнические группы, самые крупные из которых — дунгане и уйгуры.

Респондентка и ее супруг ожидают получения российского гражданства, намерены переехать в Россию и вместе записаться в добровольцы. Она убеждена, что взгляды ее семьи разделяют многие этнические русские, живущие в КР.

Нас много таких (русских и даже нерусских в Киргизии) — просто, может, не говорят об этом.

Надо отметить, однако, что столь радикально «прокремлевских» взглядов никто из опрошенных больше не придерживался, а те кыргызстанцы, которых можно отнести к пророссийски настроенным, высказывались неоднозначно. Приведем один показательный фрагмент:

Честно сказать, я нейтралитет держу <...>. Мне как-то все равно... Вообще, все равно... Там много непонятного! Кто, и зачем, и почему... Но там добровольцев много.

— Да?

— Вот когда было объявлено, мобилизация началась — очень много добровольцев собралось... Еще пошли много и по повестке.

— Серьезно? Не только по повестке много народу идет?

— Ну да, я как раз, вот я когда иду на работу, иду с работы — там военный комиссариат. Вот вечером, когда шел с работы, смотрю, много стоят. Я спросил: «Вы что, по повестке пришли?» А они говорят: «Нет, сами!» — «Как сами?» — «Ну вот, надо же Родину защищать...» Ну то есть добровольно идут... Я бы тоже пошел...

— А вот хороший вопрос: если бы призвали, пошел бы? Ну если бы был гражданин России?

— Я бы пошел. Это единственное место, где за убийство ничего не дают. (*Шутит.*)

С., 42 года, смешанного русско-корейского происхождения, электрик, жил год в Новосибирске

Позицию значительной части респондентов можно охарактеризовать как *конформизм*. Это люди, которые меняют свое мнение в зависимости от ситуации и с оглядкой на предполагаемое большинство.

Россия — наш большой брат. Если России наступит конец, то и нам наступит конец. Когда ЛНР-ДНР в оппозиции были 8 лет назад, я вообще готов был поехать и защищать как патриот. Сейчас, если бы я был украинцем, я бы пошел воевать против агрессора России. Какое они право имеют вторгаться туда? Сейчас у меня то есть нет патриотизма ...

К., 32 года, смешанного татарско-русского происхождения, фитнес-тренер

В рассуждениях респондентов, отнесенных нами к «конформистам», причудливо сочетаются различные нарративы:

Мое отношение к событиям не изменилось, просто думала, что будет быстрая кампания, что Россия сделает блицкриг, освобождая ЛНР и ДНР. А они пошли дальше. Сначала это меня тревожило очень, а теперь привычно, нет особой остроты восприятия. Украина воюет за независимость свою, землю. Россия против фашизма и против порядка, который угнетает русских в Украине. Неявно участвует блок НАТО, есть сочувствующие и поддерживают санкциями в отношении России и поставками оружия в Украину. Их интерес — ослабить Россию.

Ч., 60 лет, кыргызка, финансист

Тот же самый респондент, который говорил, что у него «нет патриотизма» по отношению к России, заявил следующее:

Возможно, в недалеком будущем, когда придется хватать наскоро документы и бежать, то бежать, кроме как в Россию, некуда. У меня есть вера, что Россия поднимется и станет вновь великой державой, во всяком случае питаю надежду. Но надо, чтобы они перестали тянуться к Западу и пересмотрели свои приоритеты. Им нет места в G8. Нет иллюзий, если бы у России не было ядерного оружия, Запад сделал бы с ними то, что сделали с Ливией, Сирией.

К., 32 года, смешанного татарско-русского происхождения, фитнес-тренер

Нередко к конформизму примешивается национализм.

Раньше я Путина очень уважал. Я работал в Питере много лет, мой хозяева еще тогда плохо относились к Путину и критиковали. Там, в Питере, процентов 50 Путина ненавидели. А я очень уважал. Но теперь перестал уважать. Даже в кыргызско-таджикском конфликте Путин поддержал именно таджиков. К нам что-то он перестал хорошо относиться.

38 лет, кыргыз, таксист

Часть ответов может быть подведена под категории *антиимпериализма и антиколониализма*.

Не неолиберальные войны, которые ведут западные страны с выкачиванием ресурсов. Хотя и они неокOLONиальные. Но другой вид.

Россия предлагает всем колониализм XIX века, по лекалам XIX века: горячая война с потерями, с аннексией территории...

А., 35 лет, кыргыз, преподаватель вуза

Респонденты, отнесенные нами к этой категории, настроены радикально антимилитаристски.

Двойные стандарты в РФ: Чечню не отдают, а Крым и ЛНР и ДНР захватили. Хотя пытаются представить «превентивный характер» военного вторжения. Россия называет это спецоперацией и в результате 8 лет убивают мирных жителей в Украине. У нас у всех депрессивное состояние, хоть мы и далеко от военных действий. Мой муж воевал в Афгане. Мы очень плохо к любой войне относимся. Разные цифры о погибших, а сколько останется инвалидами, в том числе психическими? Они потом проживают в мирное время дома, а голова остается на войне. Издержки для обеих сторон будут колоссальные.

Л., 61 год, уйгурка, муниципальная служащая

У меня теперь нет друзей детства. Из всех остался один, он признал, что это агрессия России против суверенного государства. С другими осознал, что они либо находятся в добровольном невежестве, они только кремлевский нарратив и повторяют. После начала января, когда Россия ввела войска в Казахстан, давила людей танками, расстреливала, мне стало страшно, поскольку дискурс о террористах из Кыргызской Республики пошел.

А., 35 лет, кыргыз, преподаватель вуза

Очевидно, однако, что сколько-нибудь строгие типологизации нарративов, используемых респондентами, вряд ли возможны. В их рассуждениях переплетаются разные логики. Например, аргументация морально-правового характера может сменяться аргументами об этнической близости.

Сначала был шок и желание защитить украинцев. Но потом... не оправдываю, но что делает Путин, чего не делают другие в мире? Украинцы кричат: «нас бомбят». А уйгуров в Китае уже как давно убивают? Что произошло в Ливии или Сирии? Что за монополизация статуса жертвы? Но все молчат. Поэтому, с одной стороны, когда украинцы кричат: «не молчите, нас убивают», часто хочется ответить — вы все молчите про уйгуров. Мы уже пять лет не можем общаться со своими близкими. Их там истребляют за связь с нами. Мы не знаем, что происходит там. И никто на это не обращает внимания. Это истребление стало обыденностью. Путин такой же империалист, как и другие.

Л., 61 год, уйгурка, муниципальная служащая

К числу бесспорных выводов, которые позволяет сделать анализ интервью с гражданами Кыргызстана, относится то, что после фев-

раля 2022 года окончательно разрушена информационная монополия России. Рядовые кыргызстанцы все более активно пользуются альтернативными каналами информации.

За 8 лет мнение изменилось: до начала войны мы не смотрели украинское ТВ, не соприкасались. Мы только мозги российским ТВ промывали. И потому кыргызы в основном Россию поддерживали. Мы 8 лет слышали только пропаганду о бандеровцах и фашистах. Потом случайно на ютьюбе Гордона стал слушать.

Н., 57 лет, кыргыз, служащий

Разумеется, качественных исследований недостаточно для того, чтобы оценить соотношение долей «пророссийски» и «антироссийски» настроенных кыргызстанцев. Такую оценку, с учетом погрешности, позволяют дать количественные исследования. Согласно опросу, проведенному исследовательским институтом в Бишкеке Central Asia Barometer, кыргызские респонденты ответили на вопрос «Кто, по-Вашему, несет наибольшую ответственность за события в Украине?» следующим образом: Россия — 14 %; обе стороны — 7 %; Украина — 36 %; США — 13 %. Четверть опрошенных (24 %) от ответа уклонились.

184

Новые и новейшие тренды

Еще совсем недавно российские обыватели остряли «Курица не птица, Киргизия — не заграница». Симметричные чувства по отношению к России могли переживать и рядовые кыргызстанцы. Сегодня, однако, подобные поговорки уже нерелевантны. Кыргызстан уже осенью 2022 году превратился в заграницу для тех «релокантов», которые, не сумев обустроиться в Казахстане, стали искать работу и жилье в Кыргызской Республике. Кроме того, учитывая активность националистически настроенных кыргызских политиков, публичное пространство страны в будущем может стать менее комфортным для русскоязычных, чем это было до сих пор.

На протяжении многих лет российские госслужбы рапортовали о внушительных количествах таджикских граждан, получивших гражданство России. Однако после февраля и особенно после сентября 2022 года российский паспорт для мужчин призывного возраста превратился из предмета мечтаний в источник проблем.

В октябре 2022 года на полигоне в Белгородской области произошли трагические события: мобилизованные из Таджикистана открыли стрельбу по сослуживцам. Как предполагают эксперты,

конфликт произошел на этнорелигиозной почве¹. Тем самым высветился драматизм ситуации, в которой находятся выходцы из центральноазиатских республик в современной России. Та лояльность Москве, в демонстрации которой таджикистанцы в прежние времена не знали себе равных, оказалась во многом напускной.

Несмотря на то что официальный Душанбе делает все возможное для того, чтобы показать свою близость Москве, и не допускает появления в печати материалов, способных вызвать ее раздражение, после 24.02.2022 в таджикских медиа стали появляться статьи, сами заголовки которых говорят о дистанцировании страны от северного соседа: «Как трудовые мигранты из Центральной Азии нашли альтернативу работе в России»; «Будет ли теперь польза от российского диплома?» и т.п.².

Заключение

Россия до недавнего времени занимала особое место в картине мира рядовых граждан анализируемых стран. Многие из них энергично демонстрировали лояльность России. Эта лояльность подчас принимала несколько гротескные формы. Но даже если допустить здесь элемент трикстерства, невозможно отрицать исключительную роль северного соседа в структурировании политического воображаемого таджикистанцев и кыргызстанцев.

И Кыргызстан, и Таджикистан по-прежнему находятся в орбите России. Их структурная зависимость от Москвы столь велика, что оставляет чрезвычайно мало пространства маневра для правящих элит с точки зрения реализации «многовекторной» внешней политики, официально продекларированной еще в первые годы после обретения суверенитета.

Вместе с тем нельзя не отметить происходящих в последнее время изменений. Во-первых, в Кыргызстане — и на уровне элит, и на уровне публики — широко распространено разочарование в России после апрельских событий 2021 года (длящийся пограничный конфликт с Таджикистаном, в котором, как считают кыргызстанцы, Москва взяла сторону Душанбе). Во-вторых, после начала военного противостояния с Украиной Россия утрачивает тот образ, который она в Центральной Азии имела на протяжении всего пост-

1 <https://www.dw.com/ru/bojna-na-belgorodskom-poligone-cto-izvestno/a-63455310>

2 <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220621/kak-trudovie-migranti-iz-tsentralnoi-azii-nashli-alternativu-rabote-v-rossii>; <https://www.asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/society/20220621/budet-li-teper-polza-ot-rossiiskogo-diploma>

советского тридцатилетия (а именно гаранта безопасности во всех смыслах этого слова). Если до 2022 года российский паспорт был предметом мечтаний большинства вовлеченных в трудовую миграцию граждан Таджикистана (межгосударственный договор позволял удерживать двойное гражданство), то после февраля и особенно после объявления частичной мобилизации в сентябре этот документ для мужчин призывного возраста стал проблематичным.

Октябрьские события на полигоне в Белгородской области высветили драматизм ситуации, в которой находятся выходцы из центральноазиатских стран в сегодняшней России.

В Кыргызстане наметились небывалые расколы в общественном мнении. О глубине этих расколов свидетельствуют и соцопросы, и анализ кыргызских соцсетей, а также интервью, проведенные нами в конце лета того же года. Учитывая, что информационная монополия России в регионе разрушена, похоже, что поляризация мнений в обозримой перспективе будет лишь нарастать. О ситуации в Таджикистане, в силу контроля над публичной сферой со стороны властей, судить затруднительно. Однако и здесь просматриваются признаки отдаления от Москвы.

186

Все это позволяет сделать вывод, что Россия постепенно перестает занимать то место в политическом воображаемом обеих стран, которое она занимала до сих пор.

Библиография / References

Абашин С. (2011) Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа. *Ab imperio*, 3: 193-210.

— Abashin S. (2011) Nations and Postcolonialism in Central Asia Twenty Years Later: Rethinking the Categories of Analysis. *Ab imperio*, 3: 193-210. — in Russ.

Абашин С. Н. (2007) *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*, М.: СПб.: Алетейя.

— Abashin S. N. (2007) *Nationalisms in Central Asia: in search of identity*, М.: SPb.: Aleteyua. — in Russ.

Аренас И., Дзеновска Д. (2010) Делать «народ». Политическое воображаемое и материальность баррикад в Мексике и Латвии. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 2: 399-402.

— Arenas I., Dzenovska D. (2010) Making “the people”. The Political Imagination and the Materiality of the Barricades in Mexico and Latvia. *Laboratorium: Journal of Social Research*, 2: 399-402. — in Russ.

Быстрова Я. В., Дудник С. И. (2019) Политическое воображаемое в эпоху сталинской модернизации. *Конфликтология*, 14(3): 84-94.

— Bystrova Ya.V., Dudnik S. I. (2019) The Political Imaginary in the Age of Stalinist Modernization. *Conflictology*, 14(3): 84-94. — in Russ.

Горшенина С. (2007) Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований? *Ab imperio*, 2: 209-258.

— Gorshenina S. (2007) Is the marginality of Russian colonial Turkestan eternal, or will post-Soviet Central Asia enter the field of post-research? *Ab imperio*, 2: 209-258. — in Russ.

Горшенина С. М. (2019) *Изобретение концепта Средней/Центральной Азии: между наукой и геополитикой* / Пер. с фр. М. Р. Майзульса. Вашингтон: Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона.

— Gorshenina S. M. (2019) *The invention of the concept of Central/Central Asia: between science and geopolitics* / Per. from fr. M. R. Maysulsa. Washington: Central Asian Studies Program, George Washington University. — in Russ.

Малашенко А., Колесников А. (2012) Постсоветского пространства не существует. *Московский центр Карнеги*. URL: <https://carnegiemoscow.org/2012/06/08/rupub-48498> (дата обращения: 03.02.2022).

— Malashenko A., Kolesnikov A. (2012) There is no post-Soviet space. *Moscow Carnegie Center*. URL: <https://carnegiemoscow.org/2012/06/08/en-pub-48498> (accessed 03.02.2022). — in Russ.

Малинова О. Ю. (2010) Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. *ПОЛИС: Политические исследования*, 2: 90-105.

— Malinova O.Yu. (2010) Symbolic Politics and the Construction of Macropolitical Identity in Post-Soviet Russia. *POLIS: Political Studies*, 2: 90-105. — in Russ.

Малинова О. Ю. (2016) Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2000-м годам. *ПОЛИС: Политические исследования*, 6: 139-158.

— Malinova O.Yu. (2016) Official historical narrative as an element of identity politics in Russia: from the 1990s to the 2000s. *POLIS: Political Studies*, 6: 139-158. — in Russ.

Моррисон А. (2017). *Центральная Азия: «Великий шелковый путь» и «Большая игра» — лишь мифы, далекие от реальности*. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/64596/>

— Morrison A. (2017). *Central Asia: The Great Silk Road and the Great Game are just myths far from reality*. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/64596/>— in Russ.

Нойманн И. (2004) *Использование другого. Образы Востока в формировании европейских идентичностей*, М.: Новое издательство.

— Neumann I. (2004) *Using the Other. Images of the East in the formation of European identities*, Moscow: New publishing house. — in Russ.

Олимова О., Олимов М. (1999) *Таджикистан на пороге перемен*, М.: Центр стратегических и политических исследований, Научно-аналитический центр «Шарк».

— Olimova O., Olimov M. (1999) *Tajikistan on the Threshold of Change*, M.: Center for Strategic and Political Studies, Sharq Research and Analytical Center. — in Russ.

Ремнев А. (2011) Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане. *Ab Imperio*, 1: 169-205.

— Remnev A. (2011) Coloniality, post-coloniality and “historical politics” in modern Kazakhstan. *Ab Imperio*, 1: 169-205. — in Russ.

Семенов И. С. (2011) Политическая идентичность в контексте политики идентичности. *ПОЛИТЭКС*, 7(2): 5-24.

— Semenenko I. S. (2011) Political identity in the context of identity politics. *POLITEKS*, 7(2): 5-24. — in Russ.

Тимофеев И. Н. (2010) Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории. *Вестник МГИМО-Университета*, 3 (12): 51-59.

— Timofeev I. N. (2010) Russian political identity through the prism of the interpretation of history. *Bulletin of MGIMO-University*, 3 (12): 51-59.

Abashin S. (2015) Soviet Central Asia on the Periphery. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 16(2): 359-374.

Allison R. (2004) Regionalism, regional structure and security management. *International Affairs*, 80(3): 463-483.

Atkin M. (2011) Tajikistan: from de facto colony to sovereign dependency. Sally N. Cummings, Raymond Hinnebusch (eds) *Sovereignty After Empire: Comparing Middle East and Central Asia*. Edinburg: Edinburg University Press.

Cole J., Kandiyoti D. (2002) Nationalism and the Colonial Legacy in the Middle East and Central Asia: Introduction. *International Journal of Middle East Studies*, 34: 189-203.

De Haas M. (2016) Security policy and developments in Central Asia: Security documents compared with security challenges. *The Journal of Slavic Military Studies*, 29 (2): 203-226.

Gleason A. (2010) Eurasia: What is it? Is it? *Journal of Eurasian Studies*, 1(1): 26-32.

Heathershaw J., Herzig E. (eds) (2012) *The Transformation of Tajikistan: the Sources of Statehood*, L.: Routledge.

Heathershaw J. (2011) Tajikistan amidst globalization: state failure or state transformation? *Central Asian Survey*, 30 (1): 147-168.

Ibabez-Tirado D. (2015) How can I be post Soviet if I was never Soviet? *Central Asian Survey*, 34 (2): 190-203.

Laruelle M. (2018) (ed.) *Tajikistan on the Move: State-Building and Societal Transformations*, Lanham, Boulder, New York, London: Lexington Books, 2018.

Laruelle M. 2021. *Central Peripheries: Nationhood in Central Asia*, L.: UCLpress.

Laruelle M., Royce D. (2020) No Great Game: Central Asia's Public Opinion on Russia, China and the US. *Kenan Cable*, 56. https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_200805_cable%2056_final.pdf (дата обращения: 11.03.2023).

Liu M. Y. (2011) Central Asia in the Post-Cold War World. *Annual Review of Anthropology*, 40: 115-131.

Patnaik A. (2016) *Central Asia: Geopolitics, Security, Stability*, L.: Routledge.

Peimani H. (2009) *Conflict and Security in Central Asia and Caucasus*, Santa Barbara, Calif.: ABC-CLIO.

Sahadeo J. (2012) Soviet “Blacks” and Place Making in Leningrad and Moscow. *Slavic Review*, 71(2): 331-358.

Рекомендация для цитирования:

Малахов В. С., Багдасарова Н. А., Ибраева Г. К., Олимова С. К. (2023) Трансформации политического воображаемого в постсоветской Центральной Азии: случаи Кыргызстана и Таджикистана. *Социология власти*, 35 (1): 160-189.

For citations:

Malakhov V. S., Bagdasarova N. A., Ibraeva G. K., Olimova S. K. (2023) Transformations of the Political Imaginary in Post-Soviet Central Asia: The Cases of Kyrgyzstan and Tajikistan. *Sociology of Power*, 35 (1): 160-189.

Поступила в редакцию: 19.01.2023; принята в печать: 07.03.2023

Received: 19.01.2023; Accepted for publication: 07.03.2023